

Давненько Вешнецов не руководил полетами, не брал микрофона в руки, не подавал команд в эфир, не вслушивался в лаконичные, чуточку взволнованные доклады командиров экипажей из неоглядно емких, стратосферных глубин неба. Занятый большим крылатым «хозяйством», множеством неотложных генеральских дел, он все чаще как бы отдалялся от хлопотливой жизни аэродромов, хотя и знал ее до мельчайших подробностей по каждодневным докладам и донесениям. И вот наконец, махнув рукой на все должностные крепи, на бумаги и телефоны, на все то, что отгораживало его от полюбившейся с молодости стихии, он «сбежал» на самую дальнюю от своего штаба точку.

Выбравшись из кабины самолета, генерал как бы в шутку сказал хозяину аэродрома Бунину:

— Сбежал, майор, из кабинета... Хочу подышать вот этим самым...— Вешнецов широко жестом охватил всю аэродромную округу с людьми и машинами, с клочковатыми облаками в зените и неясным очертанием каменистой гряды у горизонта.

Несколько вольное выражение генерала — «сбежал из кабинета» — смутило Бунина. Попробуй он, командир полка, скажи кому-нибудь: «Сбежал с аэродрома...» Быстренько приведут в чувство. «Сбежал ли? — подумал майор.— А если и «сбежал», то во имя чего? Вряд ли ради того, чтобы «подышать вот этим самым...» Озадаченный внезапным прилетом Вешнецова, Бунин решил пустить пробный шар:

— Отдохнете, товарищ генерал?

Если генерал согласится, значит, действительно сбежал, чтобы денек-другой отоспаться на дальнем аэродроме, отдохнуть от начальственных дел, побеседовать с летчиками — бывшими однополчанами, поприсутствовать на полетах, лично убедиться в том, что его полк был и остается лучшим в соединении. Если же Вешнецов не согласится отдыхать, несмотря на свои пятьдесят с хвостиком и только что совершенный им полет, стало быть, он прибыл не для того, чтобы «подышать».

— А как же, голубчик, отдохну,— заметив лукавинку в карих глазах майора, сказал генерал. По крупному, скуластому лицу его, утратившему былой загар, скользнула усмешка. Рослый и плечистый, он наклонил голову к майору и что-

то прошептал ему на ухо. Бунин смутился.— Веди-ка ты меня, Павел Петрович, на стартовый командный пункт.

«Значит, не сбежал,— решил майор, услышав такой ответ.— Зачем же он прилетел?»

А между тем Вешнецов сказал Бунину правду. Только он не любил отлеживаться, лучший отдых для него — общение с людьми, молодыми, задорными рыцарями неба, каким он и сам был в пору своей военной молодости. Трудная молодость была у Вешнецова, фронтовая, рискованная. Из боя в бой, из огня в огонь. Ну, да что об этом...

Пока шли на СКП, говорили о полковых делах. В части майора Бунина все обстоит благополучно.

— Сегодня у нас стрельбы,— продолжая разговор, сказал Бунин.— Пойдет молодежь. Большинство в первый раз.

— Значит, мне повезло,— оживленно произнес генерал.— Посмотрю, как выучил, на что способны.

Идя по аэродрому, Вешнецов жадно втягивал воздух, пропитанный немного позабытыми, но все же знакомыми запахами: бетонной пылью и бензином, маслом и жженым порохом, красками и резиной. Слух его улавливал разногласию команд, перезвоны ключей, шипение сжатого воздуха, приглушенное ворчание топливозаправщиков, мерное погудывание электромоторов и другие рабочие шумы, без которых здесь немислима жизнь, как немислим генеральский кабинет без телефонных звонков, докладов, совещаний и бумаг.

Когда они дошли до стартового командного пункта, майор спросил, надо ли собирать народ — строить полк. Вешнецов сказал, что собирать не надо, нечего людей отрывать от дела, пусть готовятся к полетам. А поговорит он с ними после стрельб.

— Дай-ка мне, Бунин, плановую таблицу,— поздоровавшись со всеми, кто находился на СКП, попросил генерал.

Усевшись за стол, оснащенный телефонами и радиоаппаратурой, Вешнецов зашуршал разграфленным и разрисованным условными знаками листом, поданным командиром полка. Пробежав глазами список летчиков, запланированных для полетов, генерал встретил лишь несколько знакомых фамилий. Это были командиры эскадрилий и звеньев, которые пойдут на стрельбы в качестве инструкторов. «Растут ребята,— с удовлетворением отметил Вешнецов.— Были рядовыми летчиками, теперь сами командуют людьми. А ведь всего-то прошло каких-нибудь два-три года...»

Последним в плановой таблице значился лейтенант Ярцев.

Время вылета — 19.00. Без инструктора. «Видно, не в первый раз, коли пойдет один,— подумал генерал.— Ишь ты — Ярцев... Крутая фамилия!»

Кто-то включил радиоприемник, и Вешнецов уловил обрывок фразы: «...ождается усиление облачности». Отметив еще раз про себя фамилию лейтенанта, генерал нашел в ней что-то знакомое. Однако он тут же отвлекся, услышав концовку метеосводки. Усиление облачности могло помешать полковым стрельбам, и это обеспокоило Вешнецова.

— Бунин, свяжись с метеостанцией,— попросил он командира полка, разговаривавшего с дежурным штурманом, невысоким, плотным капитаном, одетым в летную куртку.

Майор позвонил. Синоптик ответил, что к вечеру ожидается усиление облачности, возможен дождь.

— Что значит — к вечеру?— недовольно произнес генерал. Снова пододвинув к себе плановую таблицу, он посмотрел на последнюю строку в ней: «Лейтенант Ярцев. 19.00». Семь часов вечера. И дождь — к вечеру...

Бунин уточнил по телефону:

— Во сколько? Ну, хотя бы приблизительно... Да? Ладно.— И Вешнецову:— В общем, к вечеру, товарищ генерал.

Вешнецов махнул рукой.

— Не желательно, конечно, ломать график, однако придется. Перенеси полеты на час. Может, закончим до дождя.

Хотя полк вооружен всепогодными истребителями, для которых не страшно никакое ненастье, генерал предпочел за лучшее все-таки вырвать погожий часок, потому что летать будет молодняк. И не просто летать, а стрелять по радиоуправляемым целям.

Отдав приказание, Вешнецов поднялся из-за стола и сказал Бунину:

— Пройдусь по самолетным стоянкам. Можешь не провожать.

Шум на аэродроме поутих. Видать, с подготовкой машин управились. Только на одной, самой крайней, хлопотал техник. Это был истребитель, на котором прилетел Вешнецов. Чтобы не отрывать техника от работы, генерал свернул немного в сторону, распахнул кожаную куртку и подставил грудь освежающему ветерку, дувшему со стороны гор.

«Надует дождя или не надует?» — прикидывал Вешнецов, пристально вглядываясь в каменную гряду, тянувшуюся вдоль горизонта. Этот горбатый горный хаос летчики называли «кухней погоды». Там чаще всего зарождались туманы, роились облака и затем оттуда, от границы, шли сюда,

заволакивая небо, отнимая высоту. Именно в такую непогожую пору и залетают самолеты с той, сопредельной стороны. Правда, вглубь не идут, заскакивают километров до десяти-пятнадцати. Объяснения, как сообщают из главного штаба, всегда одни и те же: «Заблудился летчик... отказал прибор...» Вранье, конечно, отговорки. Наши почему-то ни разу не заблудились, не пересекли границу, а те блудят.

— Блудливы, как мартовские коты,— усмехнулся Вешнецов.— Доблудятся когда-нибудь...

Дойдя до противоположного конца стоянки, генерал остановился и посмотрел на ровный ряд самолетов. Они стояли, гордо откинув косые крылья, и всем своим стремительным видом как бы подчеркивали готовность по первой команде ринуться в небесный простор и спустя несколько секунд раствориться в нем серебристыми молниями.

Залюбовавшись машинами, Вешнецов не заметил, как Бунин с каким-то летчиком подошел к одному из самолетов. Вскоре заработала турбина. «Наверно, пойдет на доразведку погоды»,— подумал генерал.

Когда машина поднялась в воздух, майор поспешил к Вешнецову.

— До начала полетов остается около двух часов,— напомнил он.

— Ну и что?— застегивая куртку, спросил генерал.

— Летчики приглашают пообедать с ними, товарищ генерал.

— Так уж и летчики?— недоверчиво произнес Вешнецов.

— Именно они.

— Ну, коли они, тогда пошли.

После обеда, проведенного в веселой, разговорчивой компании бывших однополчан, генерал возвратился на стартовый командный пункт. Бунин взял микрофон, плановую таблицу и, сев перед выносным индикатором радиолокационной станции, пригласил Вешнецова тоже сесть за стол руководителя полетами. Тот поблагодарил Бунина сдержанным кивком.

В памяти Вешнецова почему-то возникло то время, когда в авиации еще не было радиоаппаратуры, когда летчик, поднимаясь в воздух, оставался один на один с самим собой. Даже в первые месяцы минувшей войны не все самолеты были оснащены бортовыми радиостанциями. В лучшем случае связь с аэродромом поддерживал командир звена или

ведущий группы, а рядовым летчикам подавались команды с помощью эволюций самолета лидера.

Неизмеримо далеко ушла современная техника от той поры, когда генерал Вешнецов был лейтенантом и летал на «немых» и «слепых» машинах. Таких самолетов не застал даже нынешний командир полка Бунин, не говоря уже о его подчиненных, пришедших в авиацию во второй половине шестидесятых годов. О «немых» и «слепых» истребителях они имеют представление разве что по книгам да кинофильмам. Счастливым народ!

— «Земля», я — «Молния-три», разрешите взлет, — прервал раздумье Вешнецова запрос пилота, которому пора было идти на задание.

Летя в полк, генерал представлял себе, что доклады командиров экипажей будут чуточку взволнованными, однако, вот он, первый доклад — ни взволнованности не чувствуется в нем, ни робости. Пожалуй, он сам, Вешнецов, услышав запрос, ощутил большее волнение, нежели командир экипажа. Отвыкать, что ли, начал?.. А спокойствие летчика — это хорошо. Значит, парень психологически подготовлен к выполнению полетного задания.

— «Молния-три», я — «Земля», взлет разрешаю, — ответил Бунин.

Турбина реактивного истребителя залилась тончайшим дискантом, и по широкой взлетно-посадочной полосе тотчас же промелькнула крылатая серебристая стрела. До зоны стрельбы, находившейся километрах в тридцати от «кухни погоды», было всего-навсего несколько минут полета, но маршрут захода на цель был построен так, чтобы летчик набрал определенную высоту, освоился с воздушной обстановкой, выбрал наиболее выгодную позицию для атаки радиоуправляемой цели и приготовился к открытию огня. На это уходило еще две-три минуты.

Поступил радиодоклад о том, что цель подходит к заданному району. Вешнецов посмотрел на экран выносного индикатора. На нем ярко вырисовывалась отметка от цели — маленькая золотистая точка. Вторая точка стремительно двигалась с другого края индикатора. Это истребитель-перехватчик с позывными «Молния-3».

На борт самолета передаются данные о высоте, на которой находилась цель, курс и скорость, высчитанные дежурными специалистами. Летчик ответил:

— Вас понял. Веду поиск.

И на СКП снова тишина.

«Если не усложнить обстановку,— размышлял Вешнецов,— летчик вот-вот обнаружит цель, атакует ее, и все — задание выполнено... А не упрощает ли Бунин? Не натаскивает ли молодежь по шаблону? Коли так, то что за толк в обучении? Не такой он примитивный, настоящий враг, чтобы подставлять себя под огонь перехватчика. Это проверено уже давно, в Отечественную...»

Командир «Молнии-3» и в самом деле вскоре доложил:

— Цель обнаружена, иду на сближение.

— Выполняйте,— как можно спокойнее, почти равнодушно сказал Бунин, получив от генерала приказание об изменении курса воздушной цели.

«Теперь посмотрим на твое «сближение»,— мысленно проговорил Вешнецов и еще пристальнее стал смотреть на экран, где мельтешили две золотистые точки. Он вовсе не был расположен к тому, чтобы сбить летчика с толку, запутать его, не дать возможности выполнить задание. Ему просто хотелось определить степень подготовленности командира экипажа, его способность действовать в усложненной обстановке, какая зачастую случается на фронте.

— «Земля»,— долетело с борта,— цель изменила курс. Продолжаю преследование.

«Это уже лучше, чем я ожидал»,— отметил Вешнецов.

— Действуйте,— ответил Бунин. Затем он спросил генерала:— Еще будут вводные?

— Прикажи, майор, создать радиопомехи.

Бунин распорядился, и на экране появились искристые всплески.

— Ну-с, теперь что?— ни к кому не обращаясь, произнес генерал, хотя хорошо знал, что эти слова слышали все — и командир полка, и штурман, и операторы, и планшетисты...

Бунин и весь расчет стартового командного пункта были спокойны: такие эксперименты в части проводились уже не однажды.

— Включить прибор «Я — свой»,— подал команду летчику штурман наведения.

На экране среди засветок четко выделялась отметка от «Молнии-3».

И вот с борта снова доклад:

— Расчет остается прежним.

Вешнецов еще раз приказал изменить курс мишени, но и после этого командир экипажа не растерялся. И тогда генерал сказал Бунину:

— Пусть атакует.

Ракета, выпущенная летчиком, уничтожила мишень. Генерал поднялся из-за стола, пожал руку майору.

— Продолжай руководить полетами.

Близился конец летного дня. Павел Ярцев с нетерпением ожидал срока своего вылета и прикидывал, какая вводная задача будет поставлена перед ним. Мысленно он уже перебрал не одну из них, однако не был уверен в том, что именно какая-нибудь из этих вводных достанется на его долю.

Павел был не случайным человеком в авиации. Если можно так сказать, он — потомственный летчик: дед летал еще в гражданскую с выдающимся авиатором, возглавившим впоследствии Военно-Воздушные Силы страны, отец воевал на истребителях в Отечественную. Дед и поныне еще жив-здор. А отец погиб уже после войны, испытывая реактивный самолет, может быть, первенца из того крылатого семейства, которое сейчас имеется на вооружении бунинского полка.

Ярцев-младший четыре года штудировал курс летной и инженерной подготовки и в полку числился не на последнем счету. Семейная слава не мешала ему добиваться своих, личных успехов, но не так-то это просто делается, как говорится. Да и не такой уж он выдающийся среди сверстников и однополчан. Ребята тоже не лыком шиты — у каждого высшее образование, у каждого в семье кто-нибудь тоже воевал на фронте. Так что, Павел считал себя равным среди равных. Однако кто же из нынешних лейтенантов не готовит себя в генералы?! Без этого нет ни службы, ни окрыленной мечты о завтрашнем дне...

Наступало время вылета. Павел проверил подгонку противоперегрузочного костюма, техник помог ему надеть гермошлем и подставил стремянку к борту. Лейтенант сел в кабину, словно влился в нее. Ничего лишнего нет, ничто не мешает свободному управлению рычагами, реостатами, кнопками и тумблерами. Загрохотала могучая турбина, дрогнули стрелки приборов.

— «Земля», я — «Молния-десять», разрешите взлет.

— Взлет разрешаю.

Ярцев знал, что рядом с командиром полка снова находится генерал Вешнецов. Стало быть, он непременно поставит дополнительные вводные, усложняющие выполнение задания. «Какие это будут вводные?» — еще раз подумал Па-

вел, увеличивая обороты турбины. В следующий миг он уже был весь во власти предстоящего взлета и совершенно перестал беспокоиться о том, какие сюрпризы ожидают его в полете.

Главное сейчас — выдержать линию направления разбега, вовремя оторвать машину от земли, замурованной в бетон, убрать шасси, набирая высоту, не отклониться от заданного маршрута. Молниеносно промелькнула перед глазами вся привычная округа с ее наземными ориентирами, и самолет, разогнавшийся до скорости, граничащей со звуковым барьером, преодолел эту невидимую стену. По перегрузке Павел почувствовал, что в эту секунду на земле услышали громовой раскат. Когда-то хождение за звуковой барьер было мечтой летчиков.

Против ожидания, Ярцев не получил вводных со стартового командного пункта. Павел не мог знать, что генерал Вешнецов вовсе не преследовал цели давать дополнительные задания каждому летчику. Ему было достаточно того, чтобы убедиться в хорошей выучке молодежи на двух-трех примерах. Помимо того, Вешнецов брал в расчет и другие соображения. Погода к концу летного дня резко изменилась. Со стороны гор стало темнеть, поползли тяжелые, хмурые облака, переполненные еще не пролившимся дождем. В такой обстановке, чреватой грозowymi разрядами, не до экспериментов — слава богу, если молодой летчик выполнит основное задание.

Одним словом, от Ярцева никто не ожидал ничего оригинального, что бы могло удивить высокой выучкой, смекалкой, тактическим мастерством. Рядовой полет — и все тут. Так думал Вешнецов, так полагал Бунин, так же относились к полету Павла и его сверстники, уже сходявшие на задание.

А сам Ярцев все еще находился в ожидании дополнительных задач, хотя и доложил на СКП, что цель обнаружена и он идет на сближение с ней.

Между тем в районе «кухни погоды» начался дождь. Сплошным фронтом он двигался в направлении зоны стрельбы, и генерал, обеспокоенный возможными последствиями, приказал вывести радиоуправляемую мишень в надоблачную сферу, где видимость, как говорят летчики, «миллион на миллион». Заметив изменение высоты и курса цели, Павел сообщил об этом на землю и направил свою «Молнию-10» на перехват.

И вот наступил момент, во имя которого Ярцев готовился

к полету, весь день ожидал своей очереди, ломал голову над тем, какие неожиданности его подстерегают в воздухе. В этот момент летчиком овладевает чувство величайшей собранности, весь он становится сгустком воли и энергии. Может быть, вот так же чувствует себя лучник, выпускающий с туго натянутой тетивы разящую стрелу в намеченную цель. И так, вероятно, чувствовали себя воздушные бойцы в огненном небе войны, когда выпускали по врагу последний снаряд. Метким будет удар — ты победил, выстрелишь в «белый свет» — пеняй на себя...

У Ярцева всего-навсего одна ракета. Это его оружие, средство его «победы» на учебных стрельбах. И если...

— Атакую! — доложил Павел по радио, подойдя к рубежу открытия наиболее эффективного огня.

На сопредельной стороне в воздух поднялось несколько самолетов; там, вероятно, тоже начинались учебные полеты. Может быть, эти полеты специально запланированы в сложных метеорологических условиях, как и в соседней с Буниным части, с аэродрома которой в небо взмыли две пары истребителей. Ниже и несколько в стороне плыл рейсовый лайнер.

На экране радиолокатора теперь мельтешило столько отметок от самолетов, от гор и облаков, что специалисты СКП едва управлялись следить за ними. Неожиданно две из них резко изменили направление движения. Радиотехнические посты немедленно предупредили об этом ракетчиков и авиаторов.

— Что они задумали? — теряясь в догадках, спросил Бунин.

— Загадка не из легких, — отозвался генерал, — однако нет сомнений, что чужаки действуют умышленно. Отказ приборов или потеря ориентировки — это сказка про белого бычка. Смотри-ка, смотри, Бунин! Они пересекли границу...

Еще до подхода самолетов к воздушному рубежу истребители соседнего полка круто сломали свой курс и устремились на перехват непрошенных гостей. Ракетчики тоже сработали мгновенно и теперь держали крылатых лазутчиков на прицеле. И все-таки на душе Вешнецова было беспокойно. Беспокойно потому, что под огонь ракетчиков мог попасть лейтенант Ярцев: к нему уже почти на небезопасную дистанцию подходили чужие самолеты. И тогда генерал приказал

Бунину вывести лейтенанта из атаки по учебной цели и нанести удар по нарушителям. Но Бунин не успел передать команду на борт «Молнии-10». Его опередил сам Ярцев. Опередил на какую-нибудь долю секунды.

— Радиоуправляемая цель сбита!

Сделав энергичный разворот, он взял курс на свой аэродром. Одновременно с Ярцевым предприняли маневр и нарушители воздушной границы: один из них нырнул вниз и затерялся в горных складках, другой без видимой нужды отвернул влево.

— Ну, с этим, считай, покончено, — облегченно вздохнув, произнес Бунин. — Сейчас нарвется на ракетчиков.

— Вряд ли за его штурвалом сидит летчик, — предположил генерал. — Скорее всего, это беспилотная машина. Иначе как понимать ее слишком примитивный маневр? Явно подставляют под огонь...

Ракетный гром оборвал разговор авиаторов. Отметка от цели, отвернувшей влево, расщепилась на мельчайшие точки, затем вовсе исчезла, будто ее смыло с экрана.

Прошло несколько секунд после того, как Павел, выполнив задание, лег на обратный курс. В его душе уже не осталось чувство сосредоточенной напряженности, с каким он вел поиск цели, сближался с ней и, наконец, произвел пуск ракеты, предельно точный, сокрушительный пуск. Однако лейтенант не совсем остыл от пережитого волнения и все еще находился во власти приподнятого состояния духа.

Ярцев не знал о намерении генерала Вешнецова перенацелить его, Павла, на чужой самолет, как не знал и о том, что почти одновременно с воздушной атакой прогремел ракетный залп с земли. Неведомо было ему и о нарушителе воздушной границы, скрывшемся в горных распадках приграничья. Все это произошло настолько скоротечно, что его просто не успели проинформировать, несмотря на самые совершенные средства связи. И когда он услышал команду о наборе высоты и затем сообщение о том, что в его районе находится чужой самолет, им овладел тот бойцовский заряд, который управляет всем существом истребителя-перехватчика в момент наивысшего духовного напряжения.

...Чужак, уйдя из зоны радиовидимости в горные складки, должно быть, рассчитывал вырваться оттуда с помощью резкого вертикального маневра. Он не мог не знать, что слева его подстерегают ракеты «земля-воздух», справа — огонь с бортов самолетов, направленных наперехват. Однако эта четверка, по всей вероятности, не успеет отрезать ему путь за «кухню погоды», а ракетчики, занятые «напарником», вряд ли сумеют немедленно переключиться на него. Что же касается Ярцева, то чужак, пожалуй, просто не брал его в расчет, потому что лейтенант выпустил ракету по учебной цели.

Направив самолет в крутой набор высоты, лазутчик решил пробить слой облачности и на уровне верхней ее границы перепрыгнуть через горы...

Под крылом «Молнии-10» облака дыбились морскими волнами. В представлении Ярцева эта схожесть еще более усилилась, когда он даже без помощи аппаратуры, простым глазом увидел спину всплывающего снизу чужака: точь-в-точь профиль хищной акулы. Еще мгновение, и разбойница, шевельнув плавниками, изменит курс. Тогда уже будет поздно охотиться за ней.

— Иду на таран! — решительно бросил Павел в эфир.

Бывает, что мысли как бы останавливают свой извечный бег — человек сознательно затормаживает раздумье на чем-то конкретном, единичном, и все остальное проходит мимо его внимания. Случается и так, что в один миг воссоздается картина или эпизод из жизни до мельчайших подробностей. Все зависит от душевного состояния человека.

«Иду на таран!» Эти три слова, услышанные Вешнецовым, сначала ошеломили его. Таранить — значит идти на самую крайнюю меру, когда больше нет никаких средств борьбы, когда ты должен уничтожить врага любой ценой, даже ценой своей жизни. Имет ли он право на то, чтобы разрешить молодому летчику пойти на смертельный риск? И во имя чего этот риск? Да и кто он, в конце концов, этот лейтенант, — испытанный в боях воздушный снайпер, ас, герой войны?

Бешеная скачка мыслей. Обжигающий ток крови в висках. Нет, это не кровь. Это пламя пожара, возникшего на самолете после таранного удара по фашистскому бомбовозу. Истребитель горит, а «юнкерс» продолжает полет. Он поврежден, но не сбит, и вот-вот обрушит на пехоту сотни

смертей, закупоренных в стальные корпуса фугасных и осколочных бомб. А люди внизу, в окопах и траншеях, так надеялись на него, лейтенанта Вешнецова... Эх, лейтенант, лейтенант!.. Но что такое? Брюхатый «юнкерс» как бы споткнулся и, неуклюже кувыркаясь, развалился на части. Неужели это его работа, Вешнецова? И вот голос друга. Голос Гриши Ярцева: «Командир, сбивай пламя!» Теперь все ясно: «юнкерса» доканал напарник. Доканал таранным ударом. Спасибо, Гриша...

Война. Ярцев. Двойной таран... И тут погоня за врагом — нарушителем воздушной границы. И тут голос Ярцева: «Иду на таран!» Да ведь это сын! Сын Григория. Как это не пришло Вешнецову в голову, когда он, читая плацовую таблицу полетов, вспоминал и никак не мог вспомнить, кого напоминает ему эта фамилия?!

Миг. Еще миг. Время уходит. И нарушитель тоже уходит. Нет, довольно. Надо немедленно принимать решение. Решение? Но ведь оно уже принято. Павел доложил: «Иду на таран!» А если вдруг трагедия? За чью совесть спрячется генерал? За лейтенантскую? За совесть сына своего фронтового друга?..

— Бунин, — с хрипотцой в голосе приказал генерал, — передайте Ярцеву согласие: «Таран разрешаю».

Взяв всю полноту ответственности на себя, Вешнецов стал ожидать исхода поединка. Никогда и никто еще не отваживался на сверхзвуковом самолете таранить противника, который тоже летит на реактивной машине.

...Распластав косые крылья над облачной толщей, «Молния» шла следом за нарушителем. Лишь на мгновение в сознании Павла мелькнул давний рассказ отца о фронтовом таране. «Юнкерс» был уничтожен, а отец и его боевой товарищ долетели до своего аэродрома. Фамилию друга Павел забыл, и после гибели отца спросить об этом было некогда... Теперь перед Павлом стояла такая же задача — не дать противнику уйти из-под удара, и все его помыслы были направлены только на это.

Раньше истребители рубили хвостовое оперение или плоскости вражеских самолетов металлическим винтом, реже — крылом. Теперь же машина не имеет винта, и, стало быть, придется таранить только крылом. Размышляя об этом, Ярцев-младший опасался струи самолета-нарушителя. Если попадешь в этот мощный поток, он швырнет машину в штопор, из которого не так-то легко выбраться, а ежели и выберешься, все равно упустишь цель. Кроме того, надо непременно

уравнять скорости, чтобы произвести исключительно точный расчет для удара по высоко вынесенному над фюзеляжем хвостовому оперению.

Больше ни о чем Павел не думал, ни о чем не беспокоился...

Разрешение, которое он не успел запросить у «Земли», застало его как раз в то мгновение, когда «Молния» уже была нацелена на удар по хвосту чужака. Бунинские слова «Таран разрешаю» слились со скрежетом металла. Павел не услышал, а ощутил этот скрежет всем телом.

«Нарушитель границы сбит».

Только эти слова звучали в ушах Вешнецова. Только они. Может быть, пять минут звучали, может, больше. Во всяком случае генерал ничего другого не слышал до тех пор, пока с далекой окраины аэродрома не донесся гул турбины.

— Это он,— не скрывая взволнованности, сказал Вешнецов, поднимаясь из-за стола.—Собирай народ, майор. Нынче будет говорить с ним Павлик Ярцев. А мы... Мы потом.

Генерал махнул рукой и, оставив недоумевающего Бунина, выбежал на бетонку, по которой рулила «Молния-10».